214

Из коллекции
профессора
В. Э. Грабаря

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
18787-58

Объ основаніяхъ Университетской реформы.

Непрерывающіеся студенческіе безпорядки невольно обращаютъ вниманіе общества и правительства на вопросы университетскаго строя. Но всего ближе и сильнѣе затрагиваютъ они тѣхъ, вся жизнь и дѣятельность которыхъ тѣсно связана съ Университетами. Мысль этихъ лицъ уже давно неудержимо ищетъ выхода изъ тягостнаго положенія. Предложеніемъ отъ 28 апрѣля 1901 г. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія далъ выходъ этимъ желаніямъ; онъ обратился въ Совѣты Университетовъ съ рядомъ вопросовъ, касающихся основаній поставленной на очередь Университетской реформы, при чемъ предоставилъ полную свободу высказываться обо всѣхъ измѣненіяхъ и недостаткахъ Университетскаго строя, на которые Совѣтъ сочтетъ необходимымъ обратить вниманіе.

При обсужденіи этихъ вопросовъ—въ печати, въ обществѣ, въ Университетахъ—невольно были выдвинуты принципы и основанія, на которыхъ должна быть построена Университетская реформа, стало на первомъ мѣстѣ выясненіе цѣлей и задачъ русскаго Университета: ибо тотъ или иной взглядъ на эти основанія предрѣшаетъ отвѣтъ какъ на предложенные Г. Министромъ вопросы, такъ и на всѣ тѣ, которые могутъ быть поставлены.

При этомъ опредѣлилось нѣсколько теченій общественной мысли. Такъ многіе считаютъ необходимымъ радикальное измѣненіе Университетскаго быта. Выставляется неизбѣжность и необходимость «творчества» въ этой области. Въ результатѣ такого «творчества» получился между прочимъ проектъ организаціи Университетовъ, пропагандируемый одной изъ Московскихъ газетъ, который въ дѣйствительности предлагаетъ полное уничтоженіе Университетовъ съ замѣной ихъ спеціальными школами и научными Институтами. Отголоски такихъ воззрѣній—не столь логически явные—слышатся въ обществѣ и даже въ Университетской средѣ.

Другія лица, выставляя необходимость радикальной перемѣны, стремятся къ типу Университета очень далекаго отъ исторически сложившагося русскаго учрежденія. На первое мѣсто выставляется **учебное значеніе** Университета, исчезаетъ его служеніе для выработки личности въ молодомъ подрастающемъ поколѣніи страны. Идеальный типъ будущаго Университета строится путемъ логическаго развитія основныхъ принциповъ нѣмецкаго Университета: свободы ученія и свободы преподаванія.

На ряду съ этимъ выясняется теченіе, которое считаетъ необходимымъ остаться на исторически сложившейся почвѣ. Почти не слышны защитники принциповъ современнаго Университетскаго устава, сильно вліяніе лицъ, желающихъ вернуться къ основамъ устава 1863 г., который въ глазахъ русскаго общества, студенчества и университетскихъ дѣятелей выступаетъ теперь въ небываломъ блескѣ и идеалѣ.

Вдумываясь въ происходящее, нельзя, мнѣ кажется, не остановиться ближе и не считаться серіознѣе съ этимъ послѣднимъ направленіемъ общественной мысли. Университеты являются вѣковыми организаціями въ русскомъ обществѣ, въ нихъ исконно идетъ сознательная созидательная работа. Люди, составляющіе университетскую корпорацію, по самой основѣ вещей привыкли имѣть дѣло съ свободной областью мысли, обсуждать

съ точки зрѣнія разума всѣ основы природныхъ и общественныхъ явленій, а тѣмъ болѣе основы организаціи своего роднаго главнаго дѣла, своей alma mater. Со временъ Ломоносова русскіе ученые вдумываются и работаютъ надъ университетской организаціей, а съ 1765 г. обсуждаютъ не разъ основы ея въ коллегіальныхъ засѣданіяхъ своихъ Совѣтовъ. Въ то же время, по крайней мѣрѣ 50 лѣтъ, шла и идетъ живая и съ точки зрѣнія жизненности русскаго государства крайне отрадная (что бы ни казалось подъ вліяніемъ интереса минуты) созидательная работа и среди молодыхъ членовъ университетской корпораціи—среди русскаго студенчества. Интенсивность и сила безпорядковъ отчасти служатъ яснымъ выраженіемъ того, что формы университетской жизни не отвѣчаютъ выросшему сознанію и потребностямъ студенчества.

Не мудрено, если при этихъ условіяхъ, въ Университетахъ создалась традиція, на ихъ строѣ отразилась мысль и воля поколѣній научно и свободно мыслящихъ людей. Ни эта традиція, ни эти основы университетскаго строя—его идеалы—не могутъ быть уничтожены безъ уничтоженія самаго русскаго университета. Но только враги Россіи или безсознательные ихъ поборники могутъ стремиться къ этому несчастью.

Цѣлью моей—по возможности сжатой и краткой—записки служитъ выясненіе необходимости стоять на исторически сложившейся почвѣ, на осуществленіи исконныхъ идеаловъ при реформѣ русскихъ Университетовъ. Мнѣ кажется только путемъ вдумыванія въ историческій процессъ, какимъ сложились современные русскіе университеты, и путемъ выясненія того, во что обратился въ нихъ уставъ 1884 г., можно найти правильный выходъ изъ современнаго положенія. Только путемъ точнаго изученія конкретныхъ явленій могутъ быть найдены практическія и вѣрныя мѣры, не нарушающія жизнь и не вырождающіяся въ бѣдствія.

Но прежде я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ направленіи мысли, которое слышится громко, часто и несомнѣнно является любопытнымъ симптомомъ общественнаго настроенія. Всѣ тѣ, которые стремятся выйти изъ тяжелаго положенія путемъ реформы университетскаго **строя** видятъ причину непорядка **внутри** этого строя. Причина безпорядковъ и нестроеній ищется однако очень многими **извнѣ**, причемъ одни считаютъ такой причиной пропаганду и агитацію злонамѣренныхъ людей изъ революціонныхъ или реакціонныхъ теченій въ русскомъ обществѣ, а другіе, признавая всю совокупность общественныхъ формъ не отвѣчающей росту русскаго общества, указываютъ на невозможность достиженія спокойствія въ университетѣ при общемъ недовольствѣ въ широкихъ слояхъ русскаго общества или на химеричность надежды провести университетскую реформу, основанную на принципахъ (напр. на самоуправленіи), которымъ нѣтъ теперь мѣста въ другихъ формахъ общественной жизни или которые въ ней уничтожаются.

Я не могу согласиться съ представителями этихъ мнѣній. Не отрицая значенія въ университетской жизни всѣхъ внѣшнихъ теченій и нестроеній русской государственности, я думаю, что ихъ значеніе здѣсь особенно чувствуется лишь благодаря тому, что чисто академическая почва лишена устойчивости и взломана неудачными реформами.

Университеты представляютъ особыя организаціи, которыя только частью своихъ интересовъ связаны съ государствомъ или обществомъ. Основы ихъ строя покоятся въ вѣчныхъ областяхъ мысли и истины. Подобно церковнымъ организаціямъ онѣ могущественно вліяютъ на государство и общество, до извѣстной степени неизбѣжно отражаютъ происходящія тамъ теченія, но въ то же время имѣютъ независимую отъ нихъ вѣковую жизнь, связанную созидательнымъ научнымъ вѣковымъ трудомъ. Временами въ нихъ особенно рѣзко проявляется общественное недовольство или нестроеніе, но это лишь тогда, когда въ нихъ самихъ, въ ихъ внутреннемъ строѣ нарушена нормальная жизнь. То же самое мы наблюдаемъ и въ исторіи церковныхъ организацій.

Задача реформы заключается въ томъ, чтобы дать имъ извѣстную опору и устойчивость для продолженія непрерывной, энергичной научной работы, для умственнаго развитія и выработки сознательной личности въ молодомъ подрастающемъ поколѣніи. Тогда въ значительной степени ослабнетъ вліяніе внѣшнихъ броженій.

Но для этого есть всего одинъ путь, а не нѣсколько различныхъ. Такимъ путемъ является возстановленіе нарушенныхъ основъ университетской жизни. Въ числѣ такихъ основъ важнѣйшей можно счесть *автономію университетской корпораціи*. Такая реформа можетъ быть проведена при всякаго рода внѣшнихъ условіяхъ, такъ какъ университетская автономія не связана съ формой государственнаго или общественнаго устройства. Конечно, иногда полное достиженіе идеала сразу немыслимо, но и частичное его осуществленіе придастъ университетамъ силу пережить и выйти изъ постигшихъ ихъ невзгодъ. Такимъ частичнымъ осуществленіемъ идеала былъ напр. уставъ 1863 г.

Конечно, реформа университета въ духѣ автономіи не будетъ безразлична въ общественной жизни. Исторически университетскій вопросъ тѣсно связанъ съ политическими движеніями и стремленіями въ русскомъ обществѣ. Этому чрезвычайно способствовали создатели устава 1884 г. Однако, существующій порядокъ, созданный уставомъ 1884 г., съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ еще болѣе опасенъ, ибо онъ постоянно волнуетъ общество и вводитъ столкновеніе съ властью поколѣнія молодежи; можно думать, поэтому, что явится болѣе удобнымъ даровать университетамъ расширеніе самоуправленія и правъ, даже въ то самое время, когда область самоуправленія ограничивается въ другихъ проявленіяхъ русской жизни.

1.

Мы привыкли относить исторію русскихъ Университетовъ къ одному 19 в. Въ дѣйствительности ихъ вліяніе коренится глубже и значеніе ихъ въ общей культурной исторіи русскаго общества несравненно шире.

Впервые въ серединѣ 17 стол. въ желаніяхъ и требованіяхъ одной части русскихъ племенъ, входящихъ въ составъ русскаго государства, въ Украинѣ—было выставлено требованіе объ открытіи въ Кіевѣ университета. Въ революціонной борьбѣ это желаніе не получило никаго практическаго исполненія. Но съ вхожденіемъ частей Украины въ составъ Россіи, въ 17—18 ст., въ русское общество вошло значительное количество лицъ прямо или косвенно связанныхъ съ академической жизнью Вильны или Кракова или даже университетовъ Запада. Кіевская Академія во многомъ была сколкомъ отставшихъ католическихъ Университетовъ Запада и до середины или даже до конца 18 ст. въ ней живо было чувство академической жизни, не носящее чисто профессіональнаго характера. Уже съ 17 ст. Малороссійское «шляхетство» получало тамъ воспитаніе и чувство академической жизни охватывало молодые годы юноши. Въ слободской Украинѣ въ 18 ст. такую же роль игралъ Харьковскій Коллегіумъ.

Одновременно реформы конца 17, начала 18 ст. ввели въ русское общество многочисленную иностранную колонію, нерѣдко изъ лицъ университетскаго образованія. Путешествіе русскихъ людей за границу еще больше сближало съ жизнью университетовъ Запада. Проводя годы за границей, тѣсно входя въ жизнь западныхъ—преимущественно нѣмецкихъ—(отчасти голландскихъ, иногда шведскихъ, напр. Афонинъ и другіе ученики Линнея)—университетовъ русскіе люди пріобщались къ вѣковой жизни этихъ учрежденій, на нихъ она откладывала несмываемый отпечатокъ и, возвращаясь въ Россію, они переносили и на русское общество вліяніе этой вѣковой культуры, которая становилась ему родной. Особенно сильно это чувствовалось, когда молодые студенты увлекались новыми живыми сторонами академической научной жизни. Ломоносовъ, Радищевъ, метафизики 1830—1840 гг., натуралисты 1850—1860 гг.—сколько живого, глубокаго, невыражаемаго въ словахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительнаго вліянія вѣковой культуры на новое русское общество!. Оно тѣмъ самымъ «старилось» и также въ концѣ концовъ теряло въ глуби вѣковъ свою культурную генеалогію, какъ потеряли ее молодые и варварскіе еще въ 15—16 вв. въ глазахъ романскихъ племенъ Германцы...

Завоевательная политика русскаго государства тѣсно вплела въ русское общество чуждые элементы, вѣками связанные съ университетами—Поляковъ, Нѣмцевъ, Шведовъ и въ русское государственное тѣло вошли старинные университеты Шведскіе въ Дерптѣ и Або, Польскіе въ Вильнѣ и въ Варшавѣ. Въ развитіи русскаго просвѣщенія ихъ

роль и значеніе (особенно Дерпта и Вильны) далеко не могутъ быть обойдены молчаніемъ (не безслѣдны были даже и нѣкоторыя другія чуждыя учрежденія, напр. Іезуитскіе и Піеристскіе Коллегіумы на Литвѣ, Польшѣ, Украинѣ, Кременецкій Лицей и т. д.).

Еще значительнѣе стала эта роль въ 19 ст. Нѣкоторые изъ этихъ Университетовъ—Варшавскій и Дерптскій,—проходя различныя стадіи, были превращены въ русскія учебныя заведенія. Въ то же время ежегодно въ Университетахъ Запада стали получать образованіе цѣлыя тысячи русскихъ гражданъ. Особенно увеличилось это движеніе за послѣдніе 20 лѣтъ, какъ въ виду усиленія національнической политики, вызвавшей отливъ въ университеты Запада русскихъ подданныхъ Евреевъ, Нѣмцевъ, Поляковъ, такъ и въ виду незначительнаго по потребностямъ русскаго общества количества русскихъ Университетовъ, ихъ переполненія и тяжелыхъ условій жизни въ нихъ молодежи, заставившихъ ежегодно цѣлыя сотни молодыхъ людей русскаго происхожденія искать образованія за границей. Возвращаясь назадъ въ Россію, всѣ они вносятъ въ русское общество традиціи, привычки и вліяніе вѣковой культурной жизни Западныхъ университетовъ.

Подъ этимъ многообразнымъ вліяніемъ поддерживаются и развиваются общественные требованія и взгляды на университетское образованіе, находящіеся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью.

Въ то же время и внутри русскаго государства, молодые русскіе университеты развивались и создавали традиціи въ тѣсной и близкой связи съ жизью своихъ заморскихъ братьевъ. Въ этой жизни многое шло своеобразнымъ развитіемъ, во многомъ наши университеты не похожи на западноевропейскіе образцы—но и ихъ жизнь создалась на почвѣ тѣхъ же самыхъ принциповъ и служила лишь своеобразной формой ихъ выраженія. Въ живомъ и могучемъ тѣлѣ русскаго государства и общества очевидно и не могло быть мѣста простому механическому перениманію.

Въ 18 ст., по вліянію оказываемому на русское общество, надо главнымъ образомъ принимать во вниманіе Московскій Университетъ; хотя далеко не безслѣдно прошла одно время жизнь академическаго Петербургскаго Университета. И изъ него вышли люди, оказавшіе глубокое вліяніе на умственную жизнь русскаго общества, напр. Румовскій, Севергинъ и др. ученые натуралисты; въ связи съ нимъ развивались первыя попытки созидательной законодательной работы въ этомъ направленіи, на немъ вырабатывались планы Ломоносова, примѣненные имъ въ болѣе молодомъ Московскомъ Университетѣ. Эти нормы для Московскаго Университета были въ значительной степени взяты по типу нѣмецкихъ университетовъ. Но это въ то время значило мало. Нѣмецкіе университеты, какъ они живутъ въ нашихъ современныхъ понятіяхъ,—свободные, самоуправляющіеся разсадники обученія и вмѣстѣ съ тѣмъ очаги самостоятельной научной работы—**созданіе 19 столѣтія**. Къ серединѣ 18 ст. только нѣкоторые передовые кружки подготовляли возрожденіе и измѣненіе нѣмецкихъ университетовъ, получившихъ свое окончательное выраженіе въ 19 ст.; они вызвали организацію новыхъ нѣмецкихъ университетовъ, оказавшихъ глубокое вліяніе на весь строй академической жизни въ концѣ 18 ст. въ Геттингенѣ, въ началѣ 19-го въ Берлинѣ. Въ тѣсной связи съ этими передовыми теченіями академической жизни въ Германіи, шло насажденіе университетскаго образованія въ Россіи. Русскіе университеты создавались не только по образцу существующихъ нѣмецкихъ, но по тому идеалу, къ которому стремились передовые академическіе дѣятели Германіи.

Съ самаго начала Московскій университетъ получилъ нѣкоторую форму самоуправленія. Вліяніе его ясно и сильно сказалось уже въ 18 в.—объ этомъ громко говорятъ одни имена Шварца и Новикова. Но лишь съ начала 19 ст., съ основанія другихъ университетовъ академическая жизнь нашла настоящія основы въ русскомъ обществѣ. Въ 1804 г. русскіе университеты получили наибольшія права и наиболѣе свободную форму самоуправленія, чѣмъ какая выпала на ихъ долю въ позднѣйшіе года ихъ развитія. Они явились вполнѣ свободными, самоуправляющимися корпораціями. По опредѣленію устава 1804 г. «университетъ есть высшее ученое сословіе для препода-

нія наукъ учрежденное». Вмѣстѣ съ другими благими начинаніями первыхъ годовъ царствованія Императора Александра I полное фактическое примѣненіе этихъ правъ и неуклонное пользованіе закономъ установленнымъ самоуправленіемъ было вскорѣ стерто наступившей реакціей, и до сихъ поръ русскіе университеты помнятъ времена Рунича и Магницкаго. Въ эти года впервые поднялся призракъ ихъ уничтоженія и превращенія въ спеціальныя школы, который неизмѣнно былъ по душѣ нѣкоторымъ кругамъ русскаго общества въ теченіе всего 19 ст. и серіозно грозилъ намъ еще на дняхъ. Не надо, однако, думать, чтобы трудность примѣненія въ условіяхъ тогдашней жизни свободнаго устава 1804 г., стѣсненіе его въ ближайшіе же года частными распоряженіями, упадокъ университетской жизни въ царствованіе Александра I и въ первые года Николая I—сдѣлали безслѣднымъ въ исторіи русской академической жизни Александровскій Уставъ 1804 г. Онъ явился идеаломъ, къ осуществленію котораго стремились лучшіе люди русскихъ университетовъ въ позднѣйшее время; онъ давалъ ясныя точки опоры и выражалъ опредѣленныя желанія. При обсужденіи реформы 1863 г. основные принципы этого устава были выставлены Петербургскимъ (1858), Московскимъ и Харьковскимъ (1862) Университетами, многими отдѣльными лицами и несомнѣнно оказали вліяніе на уставъ 1863 г. Въ первые года дѣйствія устава 1804 г. въ Харьковѣ и Казани были счастливыми, юношескими годами молодыхъ учрежденій, они не могли пройти безразлично и оставили неизгладимый идейный слѣдъ. Самыя гоненія, которымъ подверглись отдѣльные члены корпораціи въ Казани, въ Харьковѣ и Петербургѣ, стоявшіе за принципы устава 1804 г., постоянныя житейскія столкновенія на его почвѣ только способствовали къ закрѣпленію его значенія и создали трудно изгладимую традицію въ академической жизни русскихъ университетовъ. Фактически мало-по-малу вырабатывались условія академической жизни; съ большимъ трудомъ, подавляемые нерѣдко произволомъ попечителей и чиновниковъ ихъ канцелярій, при бѣдныхъ средствахъ и среди мало культурнаго крѣпостническаго общества, въ профессорской коллегіи, на половину нерѣдко состоявшей изъ иностранцевъ—медленно, но неуклонно—въ тиши кабинетовъ и музеевъ вырабатывались основы русскаго университета. Въ это время шла глухая борьба за автономію, которая оставалась часто—но далеко не всегда—неисполняемымъ закономъ, хотя подтверждалась Высочайше дарованными грамотами. Наконецъ въ 1835 г. положеніе было измѣнено. Университеты получили новый уставъ, значительно сократившій автономію профессорской корпораціи. Хотя права профессорской корпораціи были по этому уставу больше, чѣмъ тѣ, какими пользуются теперь профессора русскихъ университетовъ (ректоръ и деканы были выборные)—но по сравненію съ 1804 г. автономія университета была уничтожена; Совѣтъ въ текущей жизни былъ низведенъ въ положеніе, аналогичное современному, власть правленія и положеніе инспекціи—очень правда незначительной—сильно напоминаютъ то, которое мы теперь видимъ по уставу 1884 г. Студенты значительно болѣе подчинены были внѣшнимъ формамъ академической жизни. Однако, къ этому времени уже сложилась русская университетская жизнь, выросло новое поколѣніе профессоровъ, вошедшее въ тѣсную связь съ интеллигенціей Запада и отчасти получившее образованіе въ Германіи, стала подыматься научная работа университета и въ научномъ трудѣ находились точки опоры, совершенно независимыя отъ внѣшнихъ уставовъ и распоряженій. Въ то же самое время глубокія измѣненія происходили въ жизни русскаго общества; они выразились въ первомъ замѣтномъ приливѣ молодежи въ университеты. По сравненію съ фактическимъ,—неюридическимъ—положеніемъ, уставъ 1835 г. далъ удобную почву для развитія университета: увеличеніе средствъ и увеличеніе каѳедръ, строгія рамки закона, положившія предѣлъ самовластію чиновниковъ канцелярій попечителей, нѣкоторая доля обезпеченной независимости коллегій во внутреннихъ дѣлахъ—все это только развивало чувство академической жизни. Въ тогдашней безгласной Россіи профессорская корпорація пользовалась даже значительными правами—выборными ректорами и деканами и въ нѣкоторыхъ университетахъ, напр. Московскомъ фактически выборными профессорами. Такъ въ эти года (1835—1849) сложились русскіе университеты, оказали крупное вліяніе на ростъ русскаго общества—достаточно вспом-

нять Грановскаго—и смогли перенести разразившійся надъ ними въ 1849 г. ударъ исключительныхъ законовъ, снесшихъ послѣдніе остатки самоуправленія. Шесть тяжелыхъ лѣтъ прошли надъ русскими университетами; второй разъ передъ ними пронесся призракъ уничтоженія. Но въ нихъ уже научная жизнь не прервалась и въ эти годы и не стерлось стремленіе къ автономіи. Съ новымъ царствованіемъ, въ 1855 г. рядомъ отдѣльныхъ мѣръ быстро были уничтожены всѣ исключительные законы и университеты вернулись къ уставу 1835 г., при чемъ жизнь эпохи реформъ фактически значительно расширила рамки закона, неуклонно возвращая университеты къ грамотамъ 1804 г. Одновременно новый факторъ въ исторіи русскихъ университетовъ — многочисленное студенчество — всюду вызвалъ къ жизни въ шестилѣтіе 1855 — 1862 разнообразныя формы и проявленія студенческой корпоративной общественности. Сложившіяся желанія и стремленія профессорскихъ коллегій искали новой формы выраженія; старыя рамки авторитетнаго устава 1835 г. вполнѣ не отвѣчали общественнымъ потребностямъ, чувствовалась необходимость быстрыхъ, рѣшительныхъ реформъ—для избѣжанія грозившихъ въ противномъ случаѣ безпорядковъ—и по иниціативѣ Петербургскаго попечителя князя Щербатова въ 1858 г. Совѣтъ Петербургскаго университета выработалъ проектъ новаго устава. Это былъ второй примѣръ такого обсужденія университетскаго устройства въ исторіи русскихъ университетовъ—первый примѣръ былъ данъ почти сто лѣтъ раньше въ 1765 г. Екатериной II въ профессорской коллегіи Московскаго университета. Къ сожалѣнію, неизбѣжная и необходимая реформа не была своевременно проведена; формы академической жизни становились во все болѣе рѣзкое противорѣчіе съ духомъ времени и въ концѣ концовъ крупные студенческіе безпорядки привели къ явленіямъ чрезвычайно напоминающимъ теперь нами переживаемое время. Безпорядки 1860 — 1861 гг. распространились на всѣ университеты. Петербургскій университетъ былъ закрытъ. Невозможность существованія университетовъ безъ коренного измѣненія чувствовалась всѣми—опять выступило два теченія—одно стояло за необходимость крутыхъ мѣръ или минимальныхъ уступокъ требованіямъ времени, другіе указывали на необходимость возвращенія къ стариннымъ основамъ русскихъ университетовъ, къ ихъ автономіи, на необходимость узаконить фактически сложившіяся въ эти года (1855—1861) и искавшія легальнаго выхода проявленія корпоративной жизни студенчества. Сперва побѣдило первое теченіе; былъ выработанъ новый уставъ, вводившій только немногія измѣненія противъ 1835 г. Въ такомъ положеніи засталъ дѣло новый Министръ Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнинъ. Онъ подвергъ выработанный въ 1861 г. проектъ Университетскаго устава широкому и свободному обсужденію въ Совѣтахъ и въ Факультетахъ Университетовъ, въ печати, въ русскомъ обществѣ, даже за границей и какъ результатъ такого обсужденія 27 Іюня 1862 г. состоялось Высочайшее повелѣніе подвергнуть вновь переработкѣ уставъ, принявъ во вниманіе поступившія на него «Замѣчанія». Эти «Замѣчанія», своевременно напечатанныя, представляютъ драгоцѣнный памятникъ въ исторіи русскаго университетскаго образованія. Онѣ сохранили свое значеніе до сихъ поръ и являются для современной реформы матеріаломъ, заслуживающимъ полнаго вниманія. Переработка проекта происходила въ Ученомъ Комитетѣ, пополненномъ многими лицами, возражавшими на первоначальный проектъ. Къ концу года, къ ноябрю, былъ выработанъ первоначальный проектъ университетской реформы, проектъ возстановлявшій уставъ 1804 г., измѣненный согласно требованіямъ времени. Этотъ первоначальный Головнинскій проектъ 1862 г. былъ предварительно обсужденъ въ особомъ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ графа Строганова, явившагося его горячимъ противникомъ и затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ результатѣ получился Университетскій Уставъ 18 Іюня 1863 г., столь много сдѣлавшій для русскихъ университетовъ, но къ сожалѣнію введшій въ ихъ жизнь нѣсколько условій, которыя не дали установиться полному спокойствію. Возстановивъ потерянную въ 1835 г. автономію Совѣта и давъ самоуправленіе въ духѣ Устава 1804 г., Уставъ 1863 г. въ то же время сохранилъ параграфы, оставлявшіе дискреціонную власть и распоряженіе въ Университетѣ въ рукахъ попечителя. Этимъ создавалось двойственное положеніе, неизбѣжно приводившее къ постояннымъ коллизіямъ и сильно способствовавшее, какъ

оказалось, гибели устава 1863 г. Въ то же самое время этотъ уставъ рѣзко стѣснилъ пріемъ сторонних слушателей, получившій въ жизни университетовъ за 1855—1862 гг. широкое и въ общемъ очень важное для университетовъ развитіе. Это отразилось съ одной стороны на высшимъ женскомъ образованіи, заставило русскихъ женщинъ стремиться въ заграничные университеты, а съ другой привело къ созданію не упругихъ и ученическихъ плановъ, укоренившихся, къ сожалѣнію, въ русскихъ университетахъ въ связи съ экзаменами и съ другими ихъ печальными послѣдствіями во внутреннемъ быту. Наконецъ — создавъ корпорацію профессоровъ и давъ имъ автономію — онъ лишилъ студентовъ всякой легальной возможности проявить свое товарищеское чувство, вопреки установившемуся въ теченіе семи лѣтъ обычаю и сложившимся привычкамъ, и поставилъ студентовъ въ положеніе отдѣльныхъ посѣтителей университета, всякая совмѣстная дѣятельность которыхъ являлась преступленіемъ. Этимъ было создано положеніе, придававшее политическую окраску (борьбы противъ закона) всякому неизбѣжному въ академической жизни проявленію чувства товарищества. Въ дальнѣйшей исторіи Университетовъ повторявшіеся на этой почвѣ студенческіе безпорядки оказались гибельными для самаго существованія автономіи и привели въ концѣ-концовъ къ уставу 1884 года. А между тѣмъ, всѣ эти условія отсутствовали въ первоначальномъ Головнинскомъ проектѣ 1862 г. По этому проекту роль попечителя была точно и строго опредѣлена, какъ контролера Министерства, слѣдящаго за исполненіемъ закона университетскими органами, сейчасъ же прекращающаго всякія его нарушенія. Попечитель не былъ непосредственнымъ начальникомъ Университета, такимъ являлся министръ Народнаго Просвѣщенія. Университетамъ давалась возможность широкаго развитія сторонних слушателей, чѣмъ ослаблялось дѣйствіе ученическихъ плановъ и вводилась столь тѣсно связанная съ научнымъ духомъ свобода ученія. Наконецъ Совѣты получали право легализировать тѣ формы проявленія студенческой корпораціи, какія они находили нужнымъ. Но эти предположенія не прошли въ Строгановскомъ комитетѣ. Уставъ 1863 года все же оказалъ огромное и плодотворное вліяніе на жизнь русскихъ университетовъ. Онъ увеличилъ средства университетовъ, расширилъ ихъ каѳедры и въ свободной автономіи университетскихъ Совѣтовъ далъ сильный толчокъ внутреннему развитію Университета. Значеніе его для усиленія научнаго движенія въ Россіи признавали даже составители проекта 1884 года. Къ сожалѣнію, неустойчивость положенія Университета сказалась почти тотчасъ же, какъ это предвидѣли многіе защитники студенческой корпораціи и полной университетской автономіи еще при обсужденіи устава. Уже въ 1872 г.—послѣ ряда частныхъ распоряженій — состоялся общій опросъ университетскихъ Совѣтовъ и попечителей о выяснившихся недостаткахъ устава 1863 г., въ связи съ внутренними коллизіями какъ въ средѣ Совѣтовъ, такъ главнымъ образомъ съ попечителями учебныхъ округовъ. 23-го декабря 1874 г., въ виду студенческихъ безпорядковъ, происходившихъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1874 г. въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, состоялось особое совѣщаніе Министровъ, принципіально рѣшившее вопросъ о необходимости уменьшенія университетской автономіи, увеличенія попечительской власти, расширенія инспекціи и средствъ надзора за студентами. Въ это же время министромъ Народнаго Просвѣщенія гр. Толстымъ была закончена реформа среднихъ учебныхъ заведеній, при полномъ крушеніи которой мы теперь присутствуемъ, и была поставлена на очередь въ томъ же бюрократическомъ духѣ реформа высшаго образованія. Въ 1875 году была образована комиссія для пересмотра Университетскаго устава подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, нѣкоторые члены которой объѣхали Университеты, опросили многихъ профессоровъ. Комиссія закончила свои работы въ мартѣ 1877 г. Матеріалы ею собранные отчасти изданы и заключаютъ не мало любопытнаго— въ нихъ цѣнныя статистическія данныя, собранныя за много лѣтъ, интересны многія впечатлѣнія и свѣдѣнія изъ жизни Университетовъ—но пользованіе этими мнѣніями и фактами рѣшительно невозможно; этотъ матеріалъ изданъ **анонимно**, изъ мнѣній и отзывовъ не названныхъ лицъ, приводятся одни отрывки, въ немъ масса предположеній и впечатлѣній, догадокъ, подозрѣній, даже отголосковъ мѣстныхъ Университетскихъ дрязгъ, высказываемыхъ какъ вѣрные факты. Очень многіе изъ нихъ не могутъ быть провѣ-

рены и сверхъ сего весь матеріалъ переработанъ составителями доклада комиссіи. Надо ждать будущаго полнаго изданія протоколовъ и рукописнаго матеріала, собраннаго комиссіей, которое вѣрно откроетъ много любопытнаго и освятитъ многое неожиданно.

Въ 1879 г. проектъ Устава былъ оконченъ и 3 Дек. 1879 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ его на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Но помимо этого, Графъ Толстой въ видѣ временной мѣры провелъ черезъ Ком. Министровъ правила, совершенно измѣнявшія положеніе инспекціи въ Университетѣ и уничтожавшія однимъ ударомъ нѣкоторыя стороны устава 1863 г.; они стали въ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ его духомъ. Эти временныя правила были утверждены 2 Авг. 1879 г. Инспекція была сильно увеличена по составу (почти вдвое), поставлена совершенно независимо отъ Совѣта, ректора, или правленія, вполнѣ подчинена попечителю (при извѣстномъ участіи Генералъ Губернатора); въ то же время расширены ея функціи: она должна была надзирать за студентами внѣ помѣщенія Университетовъ, пріобрѣла широкія права по распредѣленію пособій и стипендій.

6 Фев. 1880 г. проектъ общаго устава былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ; но происшедшая вскорѣ (въ апрѣлѣ) смѣна Министра—назначенія Министромъ Статсъ-Секретаря Сабурова—вызвала возвращеніе этого проекта назадъ въ Министерство, согласно установившемуся въ Государственномъ Совѣтѣ обычаю. Въ то же время фактически прекратилось примѣненіе временной мѣры 2 Авг. 1879 г. Въ 1880 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія получилъ приказаніе Государя Императора Александра II не вносить общій пересмотръ устава, а предлагать на разсмотрѣніе Госуд. Совѣта необходимыя въ университетскомъ быту измѣненія по частямъ. Казалось надвигавшаяся реформа Гр. Толстого миновала Университеты.

Въ 1881 г. въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось поставленное на первую очередь измѣненіе статей устава объ инспекціи, приведшее 26 Мая 1881 г. къ отмѣнѣ постановленія Комитета Министровъ отъ 2 Авг. 1879 г., возстановившее старый порядокъ въ положеніи и функціяхъ инспекціи, но сохранившее введенное въ 1879 г. значительное увеличеніе ея числа.

Пріостановившаяся, однако, реформа устава черезъ нѣкоторое время вновь была выдвинута. 30 Нояб. 1882 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія Гр. Деляновъ вновь внесъ въ Государственный Совѣтъ старый проектъ Гр. Толстого безъ всякихъ измѣненій кромѣ тѣхъ, которыя стали неизбѣжны вслѣдствіе закона 26 Мая 1881 г. и вызваннаго имъ нѣкотораго расширенія власти и значенія ректора. Передъ этимъ, по иниціативѣ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія Барона Николаи проектъ обсуждался въ Совѣтахъ университетовъ, но эти новыя свѣдѣнія никакого вліянія не оказали, остались безъ движенія. Государственный Совѣтъ разсматривалъ проектъ, составленный въ 1879 г., въ 1884 г., всѣ свѣдѣнія и данныя о положеніи университетовъ, представленныя Гр. Деляновымъ, относились къ еще болѣе старому времени—къ 1874—1877 гг. А между тѣмъ года съ 1874—1884 г. были временемъ живого и сильнаго развитія университетовъ и науки въ Россіи, и положеніе университетскихъ дѣлъ въ 1884 г. было иное, чѣмъ въ 1877 г. Все дѣлалось подъ покровомъ канцелярской тайны и стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, какъ вырабатывался уставъ 1863 г. Государственный Совѣтъ внимательно разсмотрѣлъ проектъ при участіи Члена Совѣта А. В. Головнина. Какъ извѣстно, проектъ встрѣтилъ въ немъ сильную—и какъ теперь оказывается—вполнѣ основательную критику, не получилъ большинства ни въ Департаментахъ, ни въ Общемъ Собраніи. Но въ жизнь вошли не мнѣнія Государственнаго Совѣта, а мало измѣненный проектъ Гр. Толстого — 13 Авг. 1884 г. — составляющій вмѣстѣ съ тѣсно съ нимъ связанной гимназической реформой самый яркій образчикъ его государственной дѣятельности. Во время обсужденія проекта въ Государственномъ Совѣтѣ, по иниціативѣ Гр. Толстого было введено еще одно измѣненіе, которое отсутствовало или не было ясно выражено въ проектѣ 1879 — 1882 гг.: ректоръ и деканы, согласно мнѣнію нѣкоторыхъ Члена Государственнаго Совѣта, перестали быть выборными и Министръ Народнаго Просвѣщенія получилъ право назначать ихъ по своему усмотрѣнію. Этимъ вводился совершенно новый неизвѣстный въ 129-лѣтней исторіи русскихъ университетовъ принципъ: деканы искони были выборными, ректоръ не былъ выборнымъ лишь изрѣдка:

первое время Моск. Университета (назначенный директоръ), во времена Магницкаго и Рунича, въ періодъ 1849—1855 гг.... Защищая эту мѣру противъ большинства Государственнаго Совѣта, Гр. Деляновъ видѣлъ въ ней главную причину всѣхъ университетскихъ неурядицъ и волненій. Онъ говорилъ: «Корень всего этого зла заключается въ томъ, что Правительство совершенно устранило себя отъ учебнаго дѣла въ университетахъ и предоставило его личному произволу профессоровъ, столь же произвольному усмотрѣнію факультетскихъ собраній и университетскаго Совѣта и существовавшему лишь на бумагѣ наблюденію ректора и декановъ, которые, какъ выборные отъ профессоровъ должностныя лица, никоимъ образомъ не могли наблюдать надъ ихъ дѣятельностію съ какимъ либо начальническимъ авторитетомъ. Вслѣдствіе такого самоустраненія Правительства отъ учебнаго дѣла университетовъ, одинъ произволъ профессорскій неминуемо долженъ былъ вызвать другой произволъ, студентскій, въ грубѣйшей формѣ шумныхъ демонстрацій, сходокъ, угрозъ и запугиваній»... Извѣстно какъ жестоко жизнь разбила это убѣжденіе. Но та же самая неумолимая и могучая жизнь живого государственнаго тѣла разбила и всѣ другія предначертанія составителей устава 1884 г.

2.

Въ реформѣ 1884 г. выразились стремленія разнаго характера: съ одной стороны въ нее вошли постановленія, вызванныя чисто учебными цѣлями и взглядами, съ другой—рѣшенія, исходящія изъ соображеній политическихъ или государственныхъ. Конечно и эти послѣднія должны отражаться на постановкѣ преподаванія и на всемъ учебномъ строѣ университетовъ; но ихъ значеніе съ точки зрѣнія образовательной или учебно-научной можетъ быть только отрицательнымъ или въ лучшемъ случаѣ безразличнымъ. Университеты могутъ мириться съ ними, какъ съ вызванными высшими соображеніями государственной пользы или необходимости и терпѣть неизбѣжное, иногда тяжелое ихъ вліяніе;—они однако не вытекаютъ изъ нуждъ или потребностей университетовъ, вызываются внѣшними имъ обстоятельствами и, очевидно, могутъ имѣть въ ихъ строѣ и жизни только временный, преходящій характеръ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они широко проникаютъ всѣ стороны жизни университета, начинаютъ преобладать въ его установленіяхъ и вмѣсто мѣръ противъ острой нужды становятся хроническими—ихъ развитіе оказывается для университетовъ пагубнымъ. Мы не разъ видимъ въ исторіи аналогичныхъ западноевропейскихъ учрежденій, какъ падали и замирали отъ этихъ причинъ нѣкогда мощныя и живыя университетскія организаціи. Достаточно вспомнить исторію университетовъ Испаніи, Германскихъ университетовъ въ 16 и до середины 18 ст., австрійскихъ до конца 18 в., итальянскихъ до середины 19 в., французскихъ до временъ Дюрюи и 1885 г.

Со времени устава 1884 г. прошло 17 лѣтъ—періодъ, достаточный даже въ вѣковой жизни университета для оцѣнки реформы и для полнаго о ней сужденія; въ этотъ долгій періодъ времени, очевидно, должно было отпасть все то, чему, по самой сути вещей, можетъ быть только временное мѣсто въ организаціи университета и должно было сохраниться все то, что является кореннымъ и основнымъ, тѣсно связаннымъ съ правильнымъ функціонированіемъ учрежденія, съ правильнымъ біеніемъ его жизни. Прошелъ достаточный періодъ времени, чтобы отпали и сгладились всѣ неизбѣжныя при началѣ всякой реформы, при всякомъ новомъ устройствѣ, шероховатости и ненормальности и чтобы было достигнуто ровное и спокойное теченіе жизни.

И вотъ въ эти 17 лѣтъ не осталось живымъ почти ничего изъ постановленій учебнаго характера, внесенныхъ въ университетскій строй реформой 1884 г. Отъ нихъ сохранились лишь имя и форма безъ содержанія. Они исчезли безъ всякаго измѣненія устава законодательнымъ путемъ, простымъ давленіемъ жизни, постепенно отмѣнялись въ виду необходимости учить и невозможности это исполнить, распоряженіями и разъясненіями тѣхъ самыхъ лицъ, которыя ихъ вводили и которыя выставляли ихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ—съ 1875—1884 гг.—какъ результатъ внимательнаго, разносторонняго изученія и обдумыванія университетской жизни. А между тѣмъ это были только

абстрактныя, далекія отъ академической жизни вообще и отъ условій русской дѣйствительности рѣшенія, которыя разлетѣлись и исчезли при первомъ столкновеніи съ жизнью. Въ учебномъ отношеніи реформа 1884 г. вводила въ жизнь русскихъ университетовъ слѣдующія новыя явленія:

1) Семестральный порядокъ лекцій и уничтоженіе курсовъ.—Этотъ порядокъ подымался еще въ 1862 г. при обсужденіи университетскаго устава, подвергся тогда вполнѣ правильной критикѣ и не былъ введенъ. Онъ принятъ теперь по типу германскихъ университетовъ, гдѣ однако приноровленъ къ совершенно иному распредѣленію занятій и вакацій въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ. Огромное—неизвѣстное на Западѣ—количество праздниковъ и возстановившіеся экзамены сдѣлали дѣленіе на семестры почти не существующимъ. Оба семестра явились несоизмѣримыми, второй оказался слишкомъ краткимъ. Вначалѣ дѣленіе на семестры проводилось въ жизнь чаще, но имъ вносилась только путаница въ чтеніе лекцій. Volens nolens преподаватели переходили къ курсовому распредѣленію матеріала. Это признало наконецъ и Министерство, измѣнивъ характеръ объявленій о читаемыхъ лекціяхъ.

2) Въ связи съ семестрами были введены **Зачеты семестровъ.** Послѣ 17 лѣтъ однако не выработалась никакая ясная и точная норма этихъ зачетовъ. Они производятся всюду различно и въ концѣ-концовъ большею частью сошли на письменное удостовѣреніе посѣщенія и исполненія практическихъ занятій—того, что было и при уставѣ 1863 года. Въ иныхъ же случаяхъ они пріобрѣли чисто формальный характеръ. Первое время примѣненіе ихъ было иное и весь ихъ смыслъ заключался въ замѣнѣ ими университетскихъ испытаній при существованіи Государственныхъ экзаменовъ. Но въ жизнь вошли Государственные экзамены только по названію и этимъ самымъ было уничтожено всякое учебное значеніе зачетовъ.

3) По уставу 1884 г. Университетъ не дѣлалъ экзаменовъ своимъ слушателямъ, они должны были производиться **особенными Государственными комиссіями.** По идеѣ и по мотивамъ, выставленнымъ составителями проекта, эти комиссіи не должны были состоять изъ преподавателей, такъ какъ они должны были ихъ контролировать. На осуществленіе этой задачи были истрачены—совершенно не достигши цѣли—милліоны рублей изъ средствъ государства и частныхъ лицъ. По идеѣ эти комиссіи должны были производиться разъ въ годъ и въ теченіе прохожденія курса академическая жизнь должна была регулироваться главнымъ образомъ семестральными зачетами. Очень быстро жизнь обратила эти Государственные экзамены въ фикцію. Часть ихъ перешла въ Университеты и нѣкоторые факультеты цѣликомъ вернулись къ прежней курсовой системѣ экзаменовъ, они производятся преподавателями и de facto находятся въ тѣсной связи съ читаемымъ курсомъ. Наконецъ такъ-называемыя «Государственныя комиссіи» превратились въ окончательныя университетскія испытанія и фактически ничѣмъ не отличаются отъ прежнихъ университетскихъ экзаменовъ, крайняя неудовлетворительность которыхъ ясно сознавалась и выставлялась еще въ 1880 г. министромъ Народнаго Просвѣщенія. Съ точки зрѣнія учебной отъ этой реформы сохранилось только одно имя, не отвѣчающее дѣйствительности. Все это ясно понимали противники этой мѣры при обсужденіи устава 1884 г. и предвидѣнія большинства членовъ Государственнаго Совѣта, высказанныя въ 1884 году вполнѣ оправдались жизнью.

4) Введя программу экзаменовъ, составители устава выставляли этимъ неизбѣжность контроля надъ читаемыми въ Университетѣ курсами для достиженія полноты, цѣльности и послѣдовательности въ изложеніи лекцій. Преподаватели должны были прочитывать весь курсъ согласно установленному въ программѣ экзаменовъ минимуму. Въ дѣйствительности, этотъ порядокъ вещей не противорѣчитъ и уставу 1863 г. И на нѣкоторыхъ факультетахъ, (напримѣръ, на физико-математическомъ и медицинскомъ) никакого измѣненія не произошло по сравненію съ прежнимъ учебнымъ строемъ. Программа устава 1884 г., проведенная законодательнымъ путемъ, на историко-филологическомъ факультетѣ, при ея примѣненіи въ дѣйствительности, чуть было не послужила къ его гибели и была измѣнена распоряженіями министра Народнаго Просвѣщенія и въ общемъ возвращена къ старому въ первые же года примѣненія устава. Но очень скоро оказалось,

что университетскіе курсы *вообще* не могутъ быть приноровлены къ офиціальнымъ программамъ экзаменовъ. Въ программы нѣкоторыхъ предметовъ были введены ошибки и совершенно невѣрныя гипотезы. Въ теченіе 17 лѣтъ онѣ не подверглись на нѣкоторыхъ факультетахъ, (напримѣръ, на естественномъ отдѣленіи) никакимъ измѣненіямъ и очевидно стали очень скоро въ рѣзкое и далеко не желательное въ педагогическомъ отношеніи противорѣчіе съ читаемыми въ Университетахъ научными курсами. Съ 1884—1901 гг. наблюдается быстрый ростъ и измѣненіе въ матеріалѣ и въ воззрѣніяхъ въ научной области. Нельзя въ 1901 г. читать научный курсъ по программѣ составленной въ 1884 г., тѣмъ болѣе если программа 1884 г., составленная канцелярскимъ способомъ, была далека отъ тогдашняго уровня науки, какъ это наблюдалось по нѣкоторымъ предметамъ.

Наконецъ, 5) уставъ 1884 г. вводилъ **Гонорарную систему** и громко провозглашалъ введеніе Академической **Свободы слушанія** лекцій. Въ дѣйствительности такая свобода существовала въ русскихъ Университетахъ съ 1855—1863 гг., предполагалась по Головнинскому проекту 1862 г. и въ гораздо большей степени дѣйствовала послѣ 1863 г., чѣмъ послѣ 1884 г. И гонорарная система очень скоро обратилась не въ то, что она представляла по идеѣ. Вмѣсто возможности выбора преподавателя, она при обязательности курса получила значеніе только какъ средство болѣе строгаго надзора за посѣщеніемъ студентомъ только тѣхъ лекцій, на которыя онъ подписался. Этимъ создался порядокъ университетскихъ занятій совершенно противорѣчившій проектамъ Министерства и всей вѣковой традиціи русскихъ Университетовъ. Въ учебномъ отношеніи такой порядокъ былъ только вреденъ для умственнаго и духовнаго развитія юношества. Въ разныхъ университахъ онъ вошелъ въ жизнь въ различной степени и, къ сожалѣнію, наиболѣе строго въ нашемъ.

Такимъ образомъ, изъ введенныхъ 1884 г. измѣненій учебнаго характера *ничто не привилось въ жизни.* Жизнь вернула болѣе или менѣе къ рамкамъ сложившимся въ университетахъ до «новаго устава». Нерѣдко приходится слышать о вліяніи новой реформы на прошедшее расширеніе практическихъ занятій и семинарій и на развитіе института привать-доцентовъ. Въ дѣйствительности они тѣсно связаны съ уставомъ 1863 г., и реформа 1884 г. только не прервала начавшееся развитіе этой стороны университетской жизни. При обсужденіи устава 1884 г. много выставлялось значеніе института привать-доцентовъ, но въ общемъ въ это время онъ былъ уже у насъ сложившимся явленіемъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ университетахъ, напр. въ Петербургскомъ. Особыя указанія на него въ мотивахъ къ реформѣ 1884 г. явились слѣдствіемъ того, что проектъ ея вырабатывался на основаніи свѣдѣній, собранныхъ въ 1875 г., а ростъ института привать-доцентовъ сталъ на прочную почву въ концѣ 1870-хъ гг. въ связи съ увеличеніемъ количества студентовъ и ростомъ контингента дѣятелей науки въ Россіи.

Точно то же надо сказать и объ организаціи практическихъ занятій. Мы видимъ ихъ широкое и плодотворное развитіе въ университетахъ, но практическія занятія и семинаріи на истор.-филологическомъ, физико-математическомъ и медицинскомъ факультетахъ—созданіе устава 1863 г. Если они развились въ послѣдніе 20 лѣтъ, то только подъ вліяніемъ увеличенія спеціальныхъ средствъ университета, благодаря наплыву студентовъ. На историко-филологическомъ факультетѣ уставъ 1884 г. въ началѣ даже понизилъ семинарскій характеръ работы. Наконецъ на юридическомъ факультетѣ только теперь начинаются попытки «практическихъ занятій» въ широкомъ развитіи и, очевидно, не стоятъ въ связи съ уставомъ.

Въ то же время уставъ 1884 г. надолго затормозилъ совершенно неизбѣжное расширеніе преподаванія—въ смыслѣ созданія новыхъ каѳедръ, институтовъ и дѣленій факультетовъ. Всѣ поднятыя жизнью и выдвинутыя университетами—въ періодъ 1863—1884 гг.—желанія были оставлены безъ вниманія при выработкѣ устава 1884 г. Составители устава 1884 г. находили, что уже уставъ 1863 г. расширилъ преподаваніе «не довольно соразмѣрено съ наличными силами». Однако они не сочли нужнымъ «останавливать это расширеніе», но они считали, что только необходимо «направить вниманіе не на распространеніе образованія только въ ширь черезъ обиліе второстепен-

наго, а на углубленіе его и сосредоточеніе на отдѣлахъ первостепенной важности». Въ 1884. г. Гр. Деляновъ защищалъ ту же точку зрѣнія. Въ отвѣтѣ на возраженія Министра Финансовъ Ген. Ад. Грейга, онъ говоритъ «состоявшими при Комиссіи по пересмотру университетскаго Устава Комитетами по отдѣльнымъ факультетамъ, главнѣйше изъ университетскихъ ректоровъ и наличныхъ профессоровъ, предположено было для обезпеченія надлежащей полноты преподаванія значительно большее число профессоровъ и уже самое министерство ограничило оное такимъ составомъ, который нельзя не признать безусловно необходимымъ». Выработано Комиссіей (въ 1875—1877 гг).—106 профессоровъ на университетъ, Министерство (въ 1884) нашло возможнымъ ограничиться 70. Въ числѣ немногихъ поправокъ, внесеніе коихъ выпало на долю Государственнаго Совѣта при обсужденіи устава Гр. Толстого стоитъ учрежденіе каѳедры географіи; поддержанное до извѣстной степени Государственнымъ Совѣтомъ давнишнее желаніе университетовъ объ образованіи каѳедры физіологіи не осуществлено до сихъ поръ и т. д. Всѣ учебно-вспомогательныя средства институтовъ и лабораторій, бѣдность которыхъ ясно была высказана еще въ отзывахъ Совѣтовъ въ 1872 г.—до сихъ поръ остались въ прежнемъ положеніи. Если въ дѣйствительности средства ихъ увеличились, создались даже новые институты и каѳедры—то только благодаря увеличенію количества студентовъ и вызванному тѣмъ увеличенію спеціальныхъ средствъ университетовъ. Уставъ 1884 г. задержалъ почти на 20 лѣтъ неизбѣжное расширеніе преподаванія и мы теперь стоимъ передъ неотложностію ожидаемой въ теченіе 40 лѣтъ реформы.

Точно также оказались задержанными и непринятыми во вниманіе вызванныя учебными потребностями дѣленія факультетовъ на новыя отдѣленія; уставъ 1884 г. даже уничтожилъ существовавшія, напр. физико-химическое отдѣленіе (въ Харьков. университетѣ). Теперь приходится его возстанавливать.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ слабо и блѣдно благотворное вліяніе нововведеній учебнаго характера, внесенныхъ въ университетскую жизнь уставомъ 1884 г. Нѣкоторымъ изъ положенныхъ въ основу его мыслямъ нельзя отказать въ полезности или правильности (напр. объ исключеніи экзаменовъ изъ университетовъ, о свободѣ ученія и т. д.), но они приняли форму, которая совершенно несоотвѣтствовала русскимъ условіямъ или приводила къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ желаніямъ и надеждамъ законодателя. Ту же самую черту видимъ мы и въ другой реформѣ Гр. Толстого—въ гимназической.

Гораздо болѣе сильно—и болѣе бѣдственно—отразился на русскихъ университетахъ рядъ нововведеній устава 1884 г., вызванныхъ *соображеніями политическими* или государственными.

Очевидно, въ строѣ университета эти соображенія должны всегда стоять на второмъ планѣ; они безъ вреда могутъ преобладать лишь не долгое время. Они являются средствами подавленія острыхъ проявленій общественной жизни—безпорядковъ, волненій. Немыслимъ—безъ вреда для государства—такой порядокъ, при которомъ волненія и безпорядки и острыя мѣры къ ихъ подавленію принимаютъ характеръ нормальнаго, обычнаго положенія вещей. А между тѣмъ, какъ разъ такой порядокъ созданъ въ русскихъ университетахъ уставомъ 1884 г. и его послѣдующимъ развитіемъ. Цѣлесообразность такихъ мѣръ могла бы оправдываться единственно ихъ быстрой удачей, ихъ ошибочность и вредъ становятся ясными, когда онѣ не достигаютъ поставленной опредѣленной цѣли или дѣлаютъ острую бѣду хронической. Въ такомъ случаѣ эти мѣры могутъ сдѣлаться такимъ же бѣдствіемъ, какъ и вызвавшіе ихъ безпорядки и неустройства.

17 лѣтъ—достаточный періодъ для сужденія. Между тѣмъ всѣ принятыя рѣшительныя мѣры, полицейскаго или политическаго характера, въ эти 17 лѣтъ не могли достигнуть какого бы то ни было — иногда даже внѣшняго — порядка въ университетѣ. Напротивъ, по мѣрѣ ихъ постояннаго усиленія и роста — мы видимъ усиленіе и ростъ волненій, безпорядковъ, неладовъ, которые требуютъ ихъ новаго проявленія и т. д. Получается заколдованный кругъ. Главнымъ выраженіемъ неустройства въ университетскихъ дѣлахъ явились студенческія волненія. Во взглядѣ на ихъ причины и на мѣры къ ихъ устраненію составители устава придерживались въ общемъ принциповъ, выра-

ботанныхъ Совѣщаніемъ Министровъ 23 Декабря 1874 г., развивая болѣе опредѣленно и полно нѣкоторыя изъ предположенныхъ мѣръ. По взгляду, проводившемуся съ того времени, причина безпорядковъ и нестроенія заключалась: 1) въ излишней независимости профессорскихъ коллегій и въ недостаточной власти Министра въ управленіи университетомъ, 2) въ недостаточномъ установленіи и охраненіи дисциплинарнаго строя въ университетахъ, 3) въ переполненіи университетовъ малоподготовленными и не обладающими достаточными средствами студентами, 4) въ плохой постановкѣ учебнаго дѣла автономными коллегіями. Министерство старалось создать порядокъ въ университетахъ, при которомъ отраженія броженій въ русскомъ обществѣ не прервали бы правильнаго хода университетской жизни. Создать такой порядокъ всѣми принятыми мѣрами не удалось. Напротивъ университетскій строй оказался ими совсѣмъ расшатаннымъ, вслѣдствіе безпорядковъ правильная работа въ университетѣ прерывалась въ теченіи мѣсяцевъ. Въ то же время суровость мѣръ все увеличивалась и ихъ вліяніе на университетскую жизнь становилось преобладающимъ. Въ виду этого крайне важно выяснить ихъ значеніе съ точки зрѣнія академическаго строя.

1) Мѣры по отношенію къ профессорской коллегіи.

Какъ уже было указано профессоры послѣ 1884 г. стали въ университетѣ въ положеніе, которое имѣетъ анологію только съ 1849 — 1855 гг. Они не сохранили никакихъ слѣдовъ автономіи; всякое значеніе Совѣта въ университетской жизни исчезло и профессоры очутились въ университетѣ въ положеніи отдѣльныхъ преподавателей, чуждыхъ и сторонникъ по закону и практикѣ университетской жизни. Вѣковое пользованіе автономіей, которой они вдругъ лишились безъ опредѣленной вины съ своей стороны не могло, конечно, способствовать распространенію въ средѣ ихъ довольства новымъ уставомъ и необходимаго въ жизни спокойствія. Это сознавали и авторы устава 1884 г. Они съ одной стороны улучшили матеріальное положеніе профессоровъ, а съ другой хотѣли предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія право назначать профессорами людей, не имѣющихъ ученыхъ степеней, но пробывшихъ извѣстное число лѣтъ учителями гимназій. Послѣдняя мѣра не прошла въ Государственномъ Совѣтѣ. Во многихъ случаяхъ новый порядокъ былъ связанъ съ цѣлой массой мелкихъ и крупныхъ незаслуженныхъ оскорбленій для профессоровъ, былъ не одинъ случай столь рѣдкихъ въ другихъ вѣдомствахъ и столь тягостныхъ примѣровъ увольненій по третьему пункту, при чемъ виновные не могли даже узнать своей вины. Абстрактно проведенная реформа, *лишившая университеты вѣками установленнаго порядка* не опиралась ни на какія строго опредѣленные факты, которые бы ее вызывали. Нельзя счесть ими впечатлѣнія, вынесенныя Комиссіей 1875 г., и Министерство Народнаго Просвѣщенія ихъ не выдвигало. Графъ Толстой въ 1882 г. выражалъ лишь свое общее впечатлѣніе, что при установившихся въ университетахъ порядкахъ «въ университетскихъ коллегіяхъ воспитывалось настроеніе, явно враждебное всякому воздѣйствію не только попечителей учебныхъ округовъ, но даже и Министра Народнаго Просвѣщенія на дѣла университета; и вырабатывалось убѣжденіе, что распоряженія центральной власти въ этой области составляютъ нарушеніе основныхъ началъ университетскаго устава и должны вызывать противодѣйствіе со стороны Совѣта». Съ другой стороны, вводя реформу, составители проекта сознавали, что университетскія коллегіи «относятся, повидимому, не вполнѣ сочувственно къ нѣкоторымъ изъ проектированныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія мѣръ и могли оказать косвенное противодѣйствіе». Наконецъ, необходимость уничтоженія автономіи университетской коллегіи и назначенія профессоровъ безъ предварительнаго выбора, въ значительной степени выводилось чисто отвлеченнымъ, логическимъ путемъ, изъ необходимости созданія порядка, при которомъ «начальническая власть» Министра не была бы уменьшена, а была бы увеличена. Увеличеніе же ея желательно и нужно для лучшей постановки дѣла. Для этой цѣли былъ энергично сломленъ вѣковой порядокъ, внезапно отстранены отъ участія въ дѣлѣ, *въ которое они вложили всю свою жизнь*, сотни людей, не была дана имъ возможность даже защититься отъ явно и рѣзко выраженныхъ недовѣрія и осужденія ихъ

жизненной работы, исполненія имъ своего долга. Нравственно профессоры были разбиты реформой 1884 г. Въ концѣ концовъ создался тяжелый давящій порядокъ университетской жизни; черезъ 17 лѣтъ уставъ 1884 г. остался въ сознаніи новымъ, чуждымъ академической жизни. Только любовь къ дѣлу, единственная возможность въ жизни всезахватывающей научной работы, вѣра въ невозможность безконечнаго продолженія неустойчиваго положенія удерживало и удерживаетъ многихъ преподавателей въ тяжелой, гнетущей атмосферѣ русскаго университета. Такое чувство профессоровъ проявилось ясно въ томъ, что во всѣхъ университетахъ, почти единогласно Совѣты высказались теперь за необходимость для порядка въ университетахъ возстановить профессорскую автономію и права ея самопополненія. Не политическое, а академическое значеніе такого рѣшенія ясно уже изъ того, что за него высказываются люди самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ мнѣній, взглядовъ и направленій.

Не касаясь другихъ сторонъ университетской жизни, необходимо обратить вниманіе на положеніе, созданное новымъ порядкомъ въ университетскомъ строѣ. Поставивъ профессоровъ, какъ сторонихъ лицъ въ университетъ, ясно и рѣзко выразивъ недовѣріе исполненію ими своего дѣла, Министерство потеряло всякую возможность вліянія на студентовъ; фактически профессоры, если они почему бы то ни было дорожили своимъ пребываніемъ въ университетѣ, были вынуждены держать себя въ сторонѣ отъ текущей университетской жизни. А между тѣмъ жизнь нерѣдко заставляла искать такого вліянія, особенно послѣ того, какъ студенчество оказалось болѣе или менѣе организованнымъ. Попытки въ нужныхъ случаяхъ гальванизировать трупъ Совѣта, держа его въ строгихъ рамкахъ устава 1884 г., были такъ же мало удачны, какъ мало успѣшны были дѣйствія Совѣтовъ по уставу 1835 г. при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Поневолѣ пришлось пытаться создать новую силу въ университетѣ, которая могла бы замѣнить для Министерства въ этомъ отношеніи, разрушенную профессорскую коллегію. Эту силу думали найти въ созданіи послѣднихъ лѣтъ жизни университетовъ, въ такъ называемомъ «институтѣ инспекціи».

2) *Созданіе Института Инспекціи.*

Инспекція разрасталось въ университетахъ постепенно, поглотила милліоны руб. государственныхъ и университетскихъ денегъ; ея содержанія ежегодно стоитъ около 200 тыс. руб., считая пенсіи, квартиры натурой и т. п. расходы. Главная цѣль ея—поддержаніе порядка среди студентовъ; эту цѣль она оказалась совершенно не въ состояніи выполнить. Печальныя событія послѣднихъ лѣтъ выяснили это съ безусловною убѣдительностію. «Институтъ инспекціи» совершенно неизвѣстенъ въ университетахъ Запада и стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основами и идеалами университетскаго строя.

Инспекція развивалась у насъ постепенно. Названіе инспектора появилось въ уставѣ 1804 г.—но это былъ выборный профессоръ, имѣвшій дѣло съ студентами, живущими въ общежитіи. Только въ 1835 г. появился инспекторъ изъ посторонних лицъ, но до 1849 г. его вліяніе въ университетской жизни было второстепенное, хотя уже тогда отношеніе къ инспекціи студентовъ стало рѣзко враждебнымъ. По уставу 1863 г. инспекція въ общемъ вернулась къ порядку 1835 г., но съ полнымъ подчиненіемъ ея Совѣту и съ правомъ университета сохранить главное руководство дисциплинарнымъ порядкомъ въ рукахъ своихъ членовъ (выборный проректоръ). Первое крупное измѣненіе произошло въ 1879 г. въ указанной выше мѣрѣ гр. Толстого; тогда инспекція всецѣло подчинена была попечителю, расширенъ ея составъ и функціи. Такой порядокъ продержался около года. Въ 1881 г. вернулись къ прежнему положенію, а въ 1884 г. съ нѣкоторыми измѣненіями возстановлена мѣра 1879 г. Положеніе инспекціи теперь двойственное: она подчинена непосредственно попечителю, но и ректоръ имѣетъ на нее извѣстное вліяніе. Чрезвычайно вредно отразилось то, что инспекторъ есть въ то же время членъ Правленія. Фактически онъ явился судьей въ своихъ дѣлахъ и ошибкахъ. Это несомнѣнно много способствовало тому паденію авторитета Правленія Университета, которое, къ сожалѣнію, такъ замѣтно въ это послѣдніе года. Съ 1884 г. количество и значеніе инспекціи все увеличивалось, въ русскихъ университетахъ по-

явились педеля, фактически не измѣнившіе своего положенія, несмотря на высказанныя въ 1899 г. офиціальныя указанія ихъ дѣятельности. Въ 1899 г. происходитъ дальнѣйшее значительное расширеніе состава инспекціи.

Въ то же самое время—при недовѣріи къ профессорамъ, которымъ проникнутъ Уставъ 1884 г. и его примѣненія въ жизни—на инспекцію возложено нравственное и умственное вліяніе на студентовъ, т. е. та функція, которая по самому духу университетовъ есть прямая обязанность профессоровъ, которую они ни съ кѣмъ никогда въ стѣнахъ университета дѣлить не могутъ. Въ университетахъ долженъ быть посредствующій органъ между Министерствомъ и студентами; уничтоживъ этотъ органъ въ лицѣ профессоровъ, жизнь заставила искать его въ «институтѣ инспекціи». Очевидно съ учебной точки зрѣнія и съ точки зрѣнія авторитета власти такое выдвиганіе «института», по характеру имѣющаго чисто полицейскія функціи, въ университетской средѣ не могущаго обладать авторитетомъ знанія и вполнѣ бюрократическаго по устройству, какъ руководителя молодежи, является фантастическимъ. Никогда этимъ путемъ не можетъ быть достигнуто спокойствіе. Такой «институтъ», стоящій въ рѣзкомъ противорѣчіи съ идеалами и традиціями университета, научнаго преподаванія и студенчества можетъ только вызывать (и вызываетъ) столкновенія и безпорядки въ университетѣ. Достаточно слышать, какъ студенты отзываются объ инспекціи и какъ чины инспекціи отзываются объ студентахъ. Въ концѣ концовъ, студентъ сталъ въ вполнѣ безправное и поднадзорное положеніе въ университетѣ. Раздраженные мелкими постоянными столкновеніями, цѣлыми днями сидящіе въ университетѣ безъ дѣла, чины инспекціи ставятъ въ ложное положеніе авторитетъ власти и теряютъ—при первой неловкости—послѣдніе слѣды уваженія со стороны студентовъ. Никакая организація студенчества невозможна при ихъ современномъ положеніи въ университетѣ.

3) *Мѣры противъ переполненія Университетовъ.*

Наконецъ, третью категорію мѣръ политическаго характера внесъ уставъ 1884 г. по отношенію къ переполненію университетовъ. Это, дѣйствительно, одинъ изъ крупныхъ и очень коренныхъ недостатковъ современнаго университетскаго положенія. Единственнымъ изъ него выходомъ является открытіе новыхъ университетовъ, такъ какъ стремленіе къ образованію есть проявленіе правильнаго, жизненно важнаго роста русскаго общества. Всѣ мѣры, которыя были направлены къ прекращенію переполненія въ 1884 г. и позже, имѣли однако главнымъ образомъ цѣлію прекратить доступъ болѣе бѣдной части студенчества. Комиссія 1875 г. пришла къ заключенію, что эта болѣе бѣдная часть студенчества является главнымъ очагомъ волненій и понижаетъ культурный и умственный уровень студенчества и этотъ взглядъ проводился и во время обсужденія реформы 1884 г. Въ общемъ всѣ эти мѣры не имѣли успѣха для той цѣли, для которой дѣлались, такъ какъ встрѣтились съ чисто житейскими обстоятельствами, неуклонно ихъ уничтожавшими. Такими обстоятельствами были: 1) увеличивающееся число лицъ, кончающихъ гимназіи. Вновь открываемыя высшія техническія учебныя заведенія не оказывались достаточными. Очевидно, это число должно увеличиваться и впредь, т. к. стремленіе къ образованію неудержимо захватываетъ все болѣе и болѣе глубокіе круги русскаго общества, а количество гимназій было искусственно задержано послѣдніе 20 лѣтъ, 2) самодѣятельность студентовъ и русскаго общества, почти совершенно парализовавшая нѣкоторыя мѣры (напр. плату за слушаніе лекцій), 3) финансовые интересы университетовъ, самое правильное функціонированіе преподаванія въ которыхъ тѣсно связано съ спеціальными средствами, т. е. съ количествомъ студентовъ.

Мѣры, которыя принимались въ этомъ отношеніи, заключались:

Въ увеличеніи платы за слушаніе лекцій. Несомнѣнно плата за слушаніе лекцій увеличенная въ 1885 г. вдвое, явилась чрезвычайно тяжелой для русскаго студента. Въ дѣйствительности почти вся надбавка (т. е. гонораръ профессоровъ) вносится благотворительными сборами, т. е. русскимъ обществомъ. Эта мѣра не уменьшила количества студентовъ, тѣсно связана съ массой страданій, неспокоеній и далеко не способствуетъ правильному и свободному функціонированію университетской жизни. Времена передъ

послѣднимъ срокомъ уплаты — тяжелыя и мучительныя времена въ академической жизни.

Нельзя однако не признать, что только увеличеніе количества студентовъ, благодаря увеличенію спеціальныхъ средствъ (т. е. платы со студентовъ) помогли университетамъ перенести тяжелые года съ 1884 г., т. к. позволило организовать широко институты и практическія занятія.

2) *Затрудненіе въ доступѣ* въ университеты изъ среднеучебныхъ заведеній—путемъ монополіи классическихъ гимназій, лучшей подготовкой гимназистовъ, большей строгостью экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости. Происходящая теперь реформа среднеучебныхъ заведеній является лучшей оцѣнкой этого явленія въ русской жизни. Проектированное составителями устава 1884 г. требованіе залоговъ съ поступающихъ въ университетъ или доказательствъ ихъ платежной способности не прошло въ Государственномъ Совѣтѣ. Организація интернатовъ получила иной характеръ—благотворительный—чѣмъ тотъ, который сперва предполагался.

3) *Территоріальность Университетовъ по округамъ.* Мѣра эта введенная въ видѣ временной въ 1899 г. покойнымъ Министромъ Н. П. Боголѣповымъ, вѣроятно, сохранить не на долго свое значеніе, т. к. могущественно способствуя областной обособленности, она стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи со всей государственной политикой Россіи. Очевидно съ академической точки зрѣнія такая мѣра не можетъ имѣть за себя данныхъ.

Изъ всего изложеннаго ясно, что мѣры политическаго характера, введенныя въ 1884 г., не достигли своей прямой цѣли, не создали порядка въ университетѣ, но въ то же время внесли глубокія измѣненія въ университетскій строй, совершенно разстроили спокойствіе и правильный ходъ университетскихъ занятій. Онѣ создали и поддерживаютъ положеніе, при которомъ въ университетскую жизнь постоянно вносятся различныя столкновенія и нѣтъ въ ней ни малѣйшей устойчивости, этого столь необходимаго и основного элемента нормальной жизни учебнаго и ученаго учрежденія.—Все въ ней основано на примѣненіи силы распорядительной власти: но такая сила можетъ иногда подавить и не допустить *проявленія* безпорядка, она не въ состояніи, однако, не допустить *зарожденія* волненія, не въ состояніи ввести внутренній порядокъ. Въ университетѣ она всегда будетъ силой *внѣшней*; внутренній порядокъ въ университетѣ основывается лишь на согласіи формъ его жизни съ его идеалами, традиціями и цѣлями.

3.

Изъ этого краткаго очерка исторіи и современнаго порядка въ университетѣ не трудно сдѣлать выводы объ основахъ и характерѣ необходимой реформы. Для достиженія прочнаго порядка и правильныхъ нормъ развитія, устойчивости въ университетской жизни, необходимо ввести въ нее тѣ идеалы, которые временами принимали форму закона и которые *никогда* не переставали жить въ сознаніи и желаніяхъ русскаго университетскаго гражданина. Къ нимъ стремились всегда и глухая борьба за нихъ или сдерживаемое къ нимъ стремленіе всегда были и будутъ. Эти основные принципы выражены въ уставѣ 1804 г., въ первоначальномъ проектѣ устава 1862 г. Къ нимъ, конечно, необходимы измѣненія и развитія, вызванныя жизнію, но эти измѣненія не касаются основныхъ принциповъ.

Въ немногихъ положеніяхъ необходимыя реформы могутъ быть формулированы такъ:

1) Полная автономія университетской профессорской корпораціи, представленной Совѣтомъ Университета. Правленіе и другіе хозяйственные Комитеты являются его исполнительными органами, дающими ему отчетъ и имъ выбираются. Совѣтъ выбираетъ ректора, декановъ, профессоровъ и представляетъ ихъ на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія. Совѣту предоставлено право утвержденія университетской смѣты и ревизіи ея исполненія.

2) Университетъ непосредственно подчиненъ Министру Народнаго Просвѣщенія, который является его начальникомъ. Власть попечителя должна быть строго опредѣлена и онъ лишь слѣдитъ за нарушеніемъ закона университетскими властями. Всякое

незаконное постановленіе онъ временно останавливаетъ, представляя дѣло на окончательное рѣшеніе Министра Народнаго Просвѣщенія.

3) Институту инспекціи нѣтъ мѣста въ университетской жизни. Онъ долженъ быть уничтоженъ. Надзоръ за порядкомъ долженъ быть предоставленъ выборному изъ профессоровъ проректору, университетскому суду и студенческой корпораціи. Внѣшній порядокъ въ Университетскихъ зданіяхъ подлежитъ охранѣ экзекутора университета.

4) Плата за слушаніе лекцій должна быть понижена и студенты должны получить право свободнаго посѣщенія всѣхъ лекцій. Характеръ провѣрки знанія и выработка программъ преподаванія составляютъ дѣло факультетовъ подъ высшимъ надзоромъ Совѣтовъ. Государственные экзамены должны стоять внѣ университетовъ. Ихъ сохраненіе желательно, такъ какъ они представляютъ единственную форму дѣйствительнаго и прочнаго контроля Министерства Народнаго Просвѣщенія надъ преподаваніемъ безъ нарушенія и постоянныхъ столкновеній съ университетской автономіей.

5) Доступъ въ университетъ долженъ быть расширенъ, но университетамъ предоставлено право ставить свои требованія для пріема. Широкое допущеніе постороннихъ слушателей крайне важно. Университетъ не долженъ давать никакихъ правъ и даетъ только ученую степень—кандидата, магистра, доктора. Эти степени необходимы для замѣщенія всѣхъ университетскихъ должностей.

6) Студенческая корпорація должна быть признана. Участіе въ ней студента должно быть его правомъ и обязанностью. Наиболѣе удобной формой является курсовая организація. Должны быть выработаны правила, предоставляющія студентамъ право образовывать другія формы студенческихъ товариществъ.

7) Средства университета должны быть расширены и введены новые штаты. Гонораръ долженъ быть уничтоженъ, но содержаніе профессоровъ и университетскихъ служащихъ увеличено согласно требованіямъ современной жизни. Количество каѳедръ и ихъ средства должны быть приведены въ соотношеніе съ современнымъ уровнемъ науки.

Э.-О. Пр. В. Вернадскій.

29 іюля 1901.

Москва. Университетская типографія, Страстной бульваръ. 1901.